

Научная статья

УДК 81'37

DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-66-87

Перцептивные фитообразы в женской лагерной прозе

Елена Геннадьевна Басалаева¹

Франческо Варларо²

^{1,2} Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

¹ ifmip_basalaevaeg@nspu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2830-0294>

² f.varlaro1992@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1972-3914>

Аннотация

Выявляются особенности сенсорно-перцептивной образности фитонимических номинаций в женской лагерной прозе. Отмечается, что посредством актуализации визуальных, одорических, вкусовых, тактильных и аудиальных признаков и свойств объектов растительного мира реализуются символические значения, присущие фитонимам в женских эго-документах. Разномодусные перцептивные репрезентации фитообразов, нередко основанные на синкретичности восприятия, в целом характеризуют различные текстовые оппозиции, такие как свободное – тюремное пространство, прошлое – настоящее, естественное – искусственное, спасение – безысходность и др.

Ключевые слова

лексика восприятия, фитоним, лагерная проза, эго-документ, Е. Гинзбург, Е. А. Керсновская, О. Адамова-Слезберг

Для цитирования

Басалаева Е. Г., Варларо Ф. Перцептивные фитообразы в женской лагерной прозе // Критика и семиотика. 2024. № 2. С. 66–87. DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-66-87

© Басалаева Е. Г., Варларо Ф., 2024

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2024. № 2. С. 66–87

Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics], 2024, no. 2, pp. 66–87

Perceptual Phyto-Images in Women's Camp Prose

Elena G. Basalaeva¹, Francesco Varlaro²

^{1,2} Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ ifmip_basalaevaeg@nspu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2830-0294>

² f.varlaro1992@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1972-3914>

Abstract

The article examines the peculiarities of sensory-perceptual imagery within phytonymic terms in women's camp prose. It is noted that through the actualization of visual, olfactory, gustatory, tactile, and auditory features and properties of objects from the plant world in female ego-documents, symbolic meanings inherent to phytonyms in the national worldview are realized. Additionally, processes of their extinction, modification, and formation of authorial symbolic semantics are observed. Varied perceptual representations of phyto-image formations, often based on syncretism of perception, broadly characterize various textual oppositions, such as free-carceral space, past-present, natural-artificial, salvation-hopelessness, and others. Olfactory characteristics of phytonyms dominate in textual fragments describing extra camp conditions, allowing the heroines to momentarily detach from the horrors of prison/camp/unfreedom. Gustatory features of berries can become metaphorical substitutes for emotional sensations, as well as acquire various image-symbolic meanings of a happy life, salvation, survival, humanity, and self-sacrifice. Visual plant images, as well as olfactory and gustatory ones, in female ego-documents become markers of free life, embody hope for the future, and symbolize life. Auditory and tactile features of phytonyms are actualized to a lesser extent in those texts; nevertheless, they also serve as reminders of another non-camp life, providing strength and protection.

Linguistic means of expressing perceptual phyto-images include a varied lexicon of sensory perception (for example, smell, aroma, sour, sweet, gray-smoky, bright, silence, rustle, velvety, and others), as well as elaborate metaphors (often anthropomorphic), often based on syncretism of perception (smell-sight, smell-taste, sight-touch, sight-sound, etc.).

Keywords

perception lexicon, phytonym, camp prose, ego-document, E. S. Ginzburg, E. A. Kersnovskaya, O. Adamova-Sliozberg

For citation

Basalaeva E. G., Varlaro F. Perceptual Phyto-Images in Women's Camp Prose. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2024, no. 2, pp. 66–87. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-66-87

На настоящем этапе развития лингвистической науки восприятие рассматривается в контексте инструментария познания, который формирует угол зрения на осмысление и механизмы представления в языке различных категорий бытия и сознания, таких как пространство, время, реальность / ирреальность, внутренний мир человека в его взаимодействии с внешним миром и др.

Восприятие анализируется как категория, включающая гносеологические, семантические и когнитивные аспекты, которая играет инструментальную роль в процессе познания и определяет ограничения и параметры языка при передаче различных смысловых содержаний на основе человеческого опыта перцепции [Колесов, 2013]. Языковые единицы с семантикой чувственного восприятия в текстовом, в том числе художественном, пространстве реализуют различные авторские задачи, среди которых и описание мира «глазами» лирического героя, и вовлечение читателя в этот мир [Корычанкова и др., 2016, с. 35], а также играют значительную роль при осмыслении «носителем как окружающей действительности, так и своего внутреннего мира с помощью образных средств» [Кочетков, 1992, с. 3]. Перцептивные образы, как отмечает Н. В. Кириллина, могут служить механизмом индивидуально-авторского смыслообразования, являться средством описания впечатлений и связанных с ними переживаний, а также объединять продукт художественной когниции автора и читателя [Кириллина, 2016, с. 1].

В этом отношении представляют интерес словесные перцептивные образы с фитоморфной номинацией, поскольку фитонимический пласт лексики представляет собой систему, в которой закреплен опыт практического и культурно-мифилогического освоения мира растений как части окружающей человека природы [Коновалова, 1993, с. 13] и которая получает многозначительную смысловую нагрузку в различных контекстах.

В лингвистической литературе представлены различные подходы к классификации фитонимов. В настоящем исследовании вслед за Ю. А. Дьяченко к фитонимам будем относить общие наименования растений (дерево, куст, саженец и под.), собственно фитонимы, т. е. названия разновидностей деревьев, цветов, трав и т. п. (береза, осина, астра, огурец и под.), наименования грибов (боровик, подосиновик), партитивные фитонимы (ветка, корень, лист и др.), наименования совокупностей растений (ивняк, березняк и пр.) [Дьяченко, 2010, с. 7–11].

Разновекторный анализ фитонимической лексики, предпринятый в [Варларо, 2023], позволяет говорить о ее семантико-прагматической спе-

цифике, определяющей особенности соответствующего фрагмента русской языковой (в том числе метафорической) картины мира: фитообразы и фитометафоры могут использоваться для описания природы и окружающего мира; реализовывать религиозные и образно-поэтические представления; характеризовать человека в его эмоциональных и физических особенностях; интерпретировать взаимоотношения мужчин и женщин, а также отношения между поколениями и т. д. [Варларо, 2023, с. 10].

Особенно ярко сенсорно-перцептивная образность фитонимических номинаций проявляется в женской «лагерной прозе», где посредством актуализации визуальных, одорических, вкусовых, тактильных и аудиальных признаков и свойств объектов растительного мира реализуются символические значения, присущие фитонимам в национальной картине мира, а также наблюдаются процессы их погашения, модификации, формирования авторской символической семантики.

О снижении роли пейзажа в целом, но в то же время и о повышении его смысловой нагрузки в лагерной прозе писал В. Шаламов: «Пейзаж не принимается вовсе. Читателю некогда думать о психологическом значении пейзажных отступлений. Если пейзаж и применяется, то крайне экономно. Любая пейзажная деталь становится символом, знаком и только при этом условии сохраняет свое значение, жизненность, необходимость» [Шаламов, 2015, с. 145]. К примеру, *стланник* может занимать ключевую позицию в художественной картине мира, не только отражая северную природу, контрастирующую с комфортным теплым миром, но и приобретая особые значения, связанные с человеком-заключенным и его физическим и душевным состоянием. Как пишет А. В. Сафронов, узники XX в., лишённые в заключении возможности писать, восстанавливали пейзаж позже по памяти, субъективно окрашивали, словом – «сочиняли», исходя из эстетических и политических задач [Сафронов, 2012, с. 62].

Цель настоящего исследования – выявить и описать специфику перцептивных фитообразов в женских эго-документах лагерной прозы. В качестве материала исследования выбраны книги воспоминаний «Крутой маршрут» Е. С. Гинзбург, «Сколько стоит человек» Е. А. Керсновской, «Путь» О. Адамовой-Слезберг.

Неологизм «эго-документ» впервые использовал профессор Амстердамского университета Жак Прессер [Баггерман, Деккер, 2019]. По его мнению, это «те исторические источники, в которых исследователь сталкивается с Я – или иногда (Цезарь, Генри Адамс) Он – как с одновременно пишущим и присутствующим в тексте субъектом описания» (цит. по:

[Dekker, 2002, p. 14]). В течение долгого времени коллеги Прессера не понимали его попыток внедрения нового термина в научную область. Ситуация изменилась лишь в 1980-х гг., когда слово «egodocument» было включено в официальный лексикон нидерландского языка.

Данный термин в работах Рудольфа Деккера означает следующее: «текст, в котором автор пишет о его или ее делах, мыслях и чувствах» (цит. по: [Rutz, 2002]). Он поясняет, что «эго-документы включают автобиографии, мемуары, дневники и другие личные тексты, в которых авторы подробно пишут о своих делах, опыте, мыслях и чувствах» [Dekker, 1999].

Безусловно, независимо от того, как исследователи классифицируют анализируемые тексты, их основной интерес сосредоточен на людях, о которых эти тексты рассказывают. Люди являются авторами и в то же время главными персонажами. По-видимому, из таких текстов ученый может извлечь не только фактическую информацию о жизни автора, но и понять его личность, взгляды на мир и т. п.

Эго-документы являются одним из ценных источников информации и понимания происходящего в исследовании исторических событий и культурных процессов советского времени. Эти уникальные материалы представляют собой свидетельства и воспоминания людей, проживших период Советского Союза, и позволяют нам ближе понять их личный опыт, переживания и отношение к сложным событиям того времени.

Итак, эго-документы – это исторические документы или материалы, которые содержат автобиографические записи, воспоминания, дневники, письма, мемуары, аудио- и видеозаписи, созданные исключительно или в основном самими авторами, описывающими собственную жизнь, переживания, мысли и опыт. Они предоставляют уникальный взгляд на исторические события и культурный контекст эпохи.

Исследование произведений, которые часто являются эго-документами и тематически принадлежат к лагерной прозе, начались с конца 1980-х гг., но единого понятия «лагерная проза» так и не сложилось, «поскольку в основном объектом исследований становятся отдельные авторы или произведения, без выхода на направление в целом» [Старикова, 2015, с. 169].

«Лагерная проза» считается явлением, относящимся к так называемой «новой прозе», о чем заявлял в статье-манифесте «О прозе» В. Шаламов: «Новая проза – само событие, бой, а не его описание. То есть – документ, прямое участие автора в событиях жизни. Проза, пережитая как доку-

мент. <...> Современная новая проза может быть создана только людьми, знающими свой материал в совершенстве, для которых овладение материалом, его художественное преобразование не являются чисто литературной задачей, а долгом, нравственным императивом» [Шаламов, 2005, с. 150–157].

Литературные произведения, принадлежащие к жанру лагерной прозы, отличаются автобиографичностью, поскольку авторы строят свое повествование с опорой на личный опыт и события, пережитые ими. У этих произведений документальная основа, но при этом «писатель ставит перед собой задачу не буквально следовать за реальными фактами, а передать дух, атмосферу лагерной жизни» [Райзман, 2009, с. 14].

К одному из принципиальных методов характеристики такой атмосферы можно отнести использование перцептивной лексики. В женских текстах, которые относятся к лагерной прозе, изображения растительного мира часто несут в себе элементы метафорического и символического значения.

Далее рассмотрим ключевые перцептивные фитообразы, выявленные в результате анализа произведений, проанализируем их функции в женских текстах лагерной прозы.

1. Фитообразы, основанные на запаховой перцепции

Неотъемлемым свойством растительного мира является продуцирование различных запахов. Поэтому в текстах описание ароматов растений встречается довольно часто, при этом оно всегда имеет дополнительную смысловую нагрузку: посредством одорической репрезентации фитонимов характеризуются различные текстовые оппозиции, такие как свободное – тюремное пространство, прошлое – настоящее, естественное – искусственное и пр. Этому способствует и разнонаправленная оценочная лексика, относящаяся к семантическому полю «запах» и закрепленная за разными объектами описания: несвобода связана с *вонью, смрадом, дезинфекцией, парашей, грязью, зловонием, зловредными газами* и под., свобода, в том числе растительный мир, *благоухает, издает нежнейшие ароматы* и пр.).

Можно сказать, что в целом текстовые фрагменты, содержащие фитообразы, связаны с положительными эмоциями, с хорошими впечатлениями и мыслями, а также воспоминаниями о прошлом в очень тяжелые моменты жизни героинь.

Так, у Е. Гинзбург узнавание запаха липы позволяет определить местоположение по пути до тюрьмы «Бутырка» в Москве:

Вот *запахло липой*. Это значит – проезжаем мимо памятника Лобачевскому (Е. Гинзбург).

У Е. Керсновской и О. Адамовой-Слезберг запах связан с радостью, свободой. Запахи растительного мира маркируют этап жизни, предшествующий долгим годам страдания, унижения:

Вековые *сосны*. Дальше ели вдоль Кондомы. *Смородина, малина*, – правда, лишь голые кусты. *Но как все приятно пахнет!* Какая красота! Какой простор! Это было последнее радостное человеческое ощущение, после которого потянулись долгие годы страдания, унижения и множества открытий (Е. Керсновская);

Цветы, птичьи голоса, лесные шорохи... А аромат! Не могу наглядеться, надыхаться... До чего же прекрасна жизнь без оград и колючей проволоки!;

Позавтракав, я пошла дальше, все дальше, не чувствуя усталости, *упиваясь ароматом трав*. Кажется, лишь теперь до меня дошло, до чего ужасны были все 16 лет испытаний и лишений, и, наряду с восторгом настоящего, я осознала весь ужас прошлого (Е. Керсновская);

Однажды вечером на каком-то длинном перегоне слетел от тряски замок с двери и дверь теплушки раздвинулась во всю ширь. Был закат. Необозримая степь лежала в цвету. *В смрадный, душистый воздух* переполненной теплушки широкими волнами *влилось дыхание степи, аромат трав и цветов*. Мы замерли (О. Адамова-Слезберг).

Контрастность локусов – тюремного и свободного – поддерживается одорическими фитоморфными образами:

Везде и всегда мы были погружены в отвратительный тюремный запах – дезинфекции, параша, сапог, махорки, грязного больного тела. *И вдруг мы попали в цветущий вишневый сад!* <...> Усыпанные цветами вишенки шептались под легким ветром, *цветы благоухали...* Безумное волнение охватило нас. Мы вдыхали этот *запах земли, цветов, деревьев* <...>. Ах как хотелось броситься на землю и *впитывать всем телом свежесть ее, аромат!* (О. Адамова-Слезберг).

Довольно часто наблюдается одорическая «борьба». Так, проникновение природных ароматов в тюремное пространство, имеющее свои устойчивые запаховые характеристики (мерзкие, вонючие, гнилостные, связан-

ные с нечистотами), может восприниматься как своеобразное нарушение границ, нарушение некоторой сложившейся «нормы»:

В самый разгар весны, когда через запретную зону, ограду и всю ее колочую проволоку в лагерь проникал запах цветущей черемухи, один из *нежнейших ароматов* нашей планеты, и по ночам звенели трели соловья <...>, напоминающие, что это и в тюрьме весна, – население нашего лагеря как-то еще больше размякло, и по утрам видно было, что в телеге, выезжающей за ворота, лежит один, два, а то и больше трупов (Е. Керсновская).

Постоянный одорический контраст может приводить к разным деструктивным последствиям. К примеру, растительные запахи могут становиться символом неспособности человека вернуться к прежней «мирной», нелагерной жизни. Ср.:

Чтоб в некий весенний день
Возможного все же возврата
Нас вдруг не убила сирень
Струей своего аромата.

Последнее четверостишие было попыткой самовнушения. Идею о «возможном все же возврате» надо было поддерживать в себе любой ценой (Е. С. Гинзбург).

В то же время запахи тюрьмы часто сильнее, они способны поглотить, нейтрализовать ароматы природы:

Тюрьма! Вся красота окружающей природы померкла. Зловонная падаль в самом прекрасном, цветущем саду *заглушает аромат лилий*; тюрьма на фоне Кавказских гор издает такое же зловоние (Е. Керсновская),

а человека лишить возможности воспринимать запахи:

«Боже мой! – подумала я с грустью. – За все эти долгие годы, проведенные в Заполярье, мое обоняние притупилось. Я дышала там такой зловонной дрянью, такими зловредными газами, что *не ощущаю даже аромата лун!*» (Е. Керсновская).

Связь запахов с реальной, естественной, нормальной жизнью осознается как необходимая (ср.: «Мы жили без всего этого четыре года, а оказывается, это совершенно необходимо, без этого нельзя чувствовать себя нормальным человеком») (О. Адамова-Слезберг)).

Чем свободнее человек, тем более он чувствителен к запахам. В таких случаях степень детализации обонятельных впечатлений оказывается довольно высокой, а обонятельный канал восприятия становится ведущим:

Я карабкалась по сопкам и делала все новые и новые открытия. <...> Заметней всего липа. Но я ее не столько вижу, сколько *обоняю*. И тут убеждаюсь, что *липа* в горах Дилижана – не в пример эссенгукской – *пахнет*, да еще как! Но удивительнее всего, что *пахнет и акация*, которая обычно у нас цветет раньше липы. Вершина горы поросла *сосняком*. Он тоже *благоухает*. И еще целая *феерия ароматов*: аромат смолы, цветущего шиповника и земляники! (Е. Керсновская).

Таким образом, ольфакторные характеристики, связанные с восприятием растительного мира, встречаются в текстовых фрагментах описания тяжелой лагерной обстановки, эти перцептивные образы помогают героям на мгновение отстраниться от ужасов тюрьмы / лагеря / несвободы. При описании растительных ароматов часто используются водная, звуковая, деструктивная метафоры (*запахи вливаются, ими напитьсяваются, струя аромата; запахи заглушают; запахи убивают* и под.).

2. Фитообразы, основанные на вкусовой перцепции

Отметим, что вкусовые растительные образы, как и запаховые, играют важную роль в противопоставлении свободного и несвободного пространств, в которых оказываются героини произведений. Вкусовые впечатления могут становиться метафорическими заместителями эмоциональных ощущений, соответственно воздействовать на чувства героинь, их настроение и состояние:

И вдруг мы попали в цветущий вишневый сад! <...> Мы тихонько срывали веточки и жевали их, и *сладкая горечь проникала в сердце* (О. Адамова-Слезберг).

Экспликаторами данной сенсорной модальности являются прилагательные и существительные, содержащие конкретную или оценочную вкусовую характеристику (*кислый, сладкий; восхитительный, непередаваемый* и под.), а также глаголы с общей семантикой чувственного восприятия (*иметь вкус, ощущать вкус* и под.) и приема пищи (*есть, пробовать* и под.).

Наиболее часто густические (нередко синкретичные с запаховыми) характеристики получают различные растения, прежде всего ягоды, которые могут приобретать различные образно-символические значения:

- символ счастливой жизни. Данный образ поддерживается такими позитивно-оценочными метафорически переосмысленными лексемами, как *пиршество жизни*, *нектар* и под.:

...через несколько минут вернулся со сдачей и двумя кулечками малины <...>. Мы ели ее полтора часа, смакуя каждую ягодку отдельно, заливаясь счастливым смехом. Ведь нам удалось урвать последний кусочек со стола великолепного пиршества жизни, в котором нам не суждено больше участвовать (Е. Гинзбург);

Пили *нектар*. Он, конечно, *напоминал подснежную бруснику*. А вот *амброзия*? Какова она была на вкус? Наверно, вроде жареной картошки... (Е. Гинзбург);

- символ спасения от голода, выживания:

Стоят в снежном убранстве непроходимые заросли *смородиновых и малиновых кустов, кедровых орешков*. Если бы уметь, если бы смочь принять ту пищу, что предлагает тайга (Е. Гинзбург);

Последний день я *подкреплялась лишь брусникой*, которую добывала из-под снега. Это, может быть, вполне удовлетворяет куропаток, но для меня было явно недостаточно (Е. Керсновская);

Прикусываем мы мелкой моченой *брусникой* – невероятно *кислой*, но очень душистой (Е. Керсновская).

При этом растительный мир в суровых условиях испытывает те же страдания, что и человек, он анимализируется. И чем больше испытаний проходит, тем сильнее становится. В этом проявляется единство человека и природы:

На этот раз спасение от неминуемой эльгенской лесоповальной смерти первой начала приносить... *брусника*. Да, именно она, *кислая, терпкая северная ягода*. Да не та брусника, что появляется, как ей и положено здесь, в конце лета, а брусника подснежная, оставшаяся от урожая прошлого года, отоспавшаяся в сугробах таежной десятимесячной зимы и теперь выведенная из тайников осторожной бледной рукой колымской весны (Е. Гинзбург);

Можно было лечь на живот и брать их прямо с веточки пересохшими, обветренными губами, осторожно раздавливая языком на нёбе, наслаждаясь каждой в отдельности. *Вкус их был непередаваемым*. Настоящее старое вино, которое “чем старше, тем сильнее”. Разве можно было сравнить *этом*

вкус с кислятиной обычной брусники? Здесь была *сладость и аромат перенесенных страданий*, преодоление зимы (Е. Гинзбург);

- символ человечности, жертвенности:

Какое открытие! Первые несколько веточек я *объела* одна и только после обнаружения третьей *во мне проявился человек*. – Галя, Галя, – закричала я потрясенным голосом, – брось топор, скорее сюда! (Е. Гинзбург).

В целом отметим, что вкусовые характеристики растений дикой, т. е. «свободной», природы противопоставляются аналогичным свойствам лесных или огородных растений, которые были наиболее типичными продуктами, используемыми для приготовления тюремной еды. К примеру, *кислая брусника* – символ выживания, но *кислая капуста, горьковато-кислая жижа из грибов* – символы лагерной жизни. Ср.:

Его засекли на вахте центральной эльгенской зоны с ведрком *кислой капусты*, украденной кем-то из заключенных на совхозном квашпункте (Е. Гинзбург);

...кусочек с ладонь величиною замерзшей *кислой капусты* (Е. Керсновская);

... <грибы> превратились в гниющую кучу черной слизи, распространяющую невыносимый смрад... Эту вонючую массу набирали вилами в ведро, заливали кипятком и приносили в тюрьму, где и раздавали нам по кружке. Надо признаться, что никто из женщин, кроме меня, не мог съесть эту вонючую, черную, *горьковато-кислую жижу*, иногда и не посоленную. <...> Я уже до того изголодалась, что даже этот «грибной суп» не вызывал у меня рвоты (Е. Керсновская).

Таким образом, фитообразы, базирующиеся на вкусовой перцепции, имеют аналогичный запаховым фитометафорам текстовый потенциал. Вкус растений в их естественной природной среде оказывается последовательно противопоставленным тому, что испорчено человеком в тюремных условиях, следовательно, становится символом, маркером свободы.

3. Фитообразы, основанные на зрительной перцепции

Визуальность является одной из важнейших характеристик фитообраза, при этом в высказываниях реализуется одна или несколько ее составляющих (цветовая, световая и под.). Зрительные растительные образы, как и обонятельные и вкусовые, в женских эго-документах становятся марке-

рами свободной жизни. Растения – это то, что нетипично для тюремного пространства, поэтому их «видение» всегда значимо и репрезентируется различными языковыми средствами, к частотным можно отнести глаголы с визуальной семантикой (*видеть, любоваться, наблюдать* и под.), прилагательные с семантикой цвета, формы, размера, уровня освещенности (*белый, круглый, огромный, темный* и др.). Ср.:

Помню эпизод с цветком. В конце весны, у входа в одну из прогулочных камер, пробился в трещинку между асфальтовыми плитами чахлый цветочек. Юля заметила его первая, показала мне глазами. *Я замедлила на минуту шаг, чтобы полюбоваться на невиданное чудо* (Е. Гинзбург);

Вспомните, что мы три года *не видели деревьев, неба, луны, дождя!* На прогулки нас водили в огороженные тюремные асфальтированные дворы (О. Адамова-Слезберг);

Ведь в Соловках мы уже пережили это, когда *вырубили все деревья* в прогулочных дворах, *выпахали траву* и *выкорчевали* до одного *зеленые кустики* (О. Адамова-Слезберг).

Наличие растений в тюремном пространстве или за его пределами производит неизгладимое впечатление, олицетворяет надежду на будущее:

Правда, в августе, когда я впервые появилась здесь, *цветы* были уже прибиты первыми заморозками, их *белесые, иссушенные стебли* уже распластались по земле, готовые смешаться с ней. Но сама мысль, что здесь сажают цветы, *вселяла какие-то странные надежды* (Е. Гинзбург);

Краткое *цветение* тайги великолепно. Оно *пробуждает* потерянную было *нежность к миру*, к оттаявшему тальнику, к стройным цветам иван-чая, похожим на лиловые бокалы с высокими ножками (Е. Гинзбург);

В первом дворе росло несколько больших *лип*, их *листья сверкали* при луне. *Я не видела деревьев* всего месяца четыре, но *сердце* мое так *мучительно сжалось*, что я чуть не упала (О. Адамова-Слезберг).

И хотя северная природа, характерная для лагерного пространства, довольно бедна, она всегда описывается, визуализируется:

Но здесь, где все 24 часа светит солнце, пусть малокровное, но не знающее отдыха, трава уже *вымахала*, и в ней *мелкие невзрачные цветочки* (Е. Керсновская).

Растения, даже самые обыкновенные и заурядные, способны произвести на несвободного человека неизгладимое впечатление своими формами, цветом, размерами и пр. Ср.:

Утром, когда в предрассветных сумерках *обозначились все цвета и оттенки*, я *замерла от восторга*, увидев в углах двора редкие кустики крапивы и огромные пыльные лопухи. Они *ошарашили* меня своим *зеленым великолепием*. Я совсем забыла о ядовитом нраве крапивы, *любуюсь* ее красотой. А доверчивые добродушные лопухи... (Е. Гинзбург).

Они способны оживить, преобразить пространство:

Просто чудо, во что превратился под их трудолюбивыми руками отведенный им второй барак! Дощатый пол засветился, как яичный желток. Засверкали хрустальным блеском зачуханные, склеенные из обломков стекла окон. На столбах вагонок появились *зеленые веточки стланика* (Е. Гинзбург).

За пределами замкнутого лагерного пространства природный мир наполнен всевозможной растительностью, которая получает разнообразную визуальную характеристику, например, с помощью сложно образованных цветковых прилагательных (*дымчато-голубоватый, болезненно-бледный, черно-кожистый* и др.), метафорических образов, основанных на уподоблении внешних особенностей деревьев предметам одежды человека (*елочки в кринолинах, нарядные юбочки*) или присущим человеку действиям (*вытанцовывающие танец*):

Буки мне дороги тем, что у каждого из них – своя *физиономия*, каждое красиво по-своему. Я как-то по-особенному люблю эти *нарядные*, мощные и вместе с тем *изящные деревья*. Стволы на редкость чистые, гладкие, какие-то опрятные, *дымчато-голубоватые*, а не *болезненно-бледные*, как у березы. Корни будто исполняют замысловатый балетный танец, а ветви гибкие, причудливо изогнутые. Что же сказать о буках вековых, раскидистых, вытанцовывающих свой колдовской танец на крутых косогорах в окружении буйной поросли рододендронов и папоротников? Как гармонируют с их *светлой* корой *черно-кожистые листья рододендронов, золотисто-изумрудные папоротники* и сочные листья мать-и-мачехи! Тут и там низенькие молоденькие *елочки в пышных кринолинах*, будто они пришли в гости и боятся помять свои *нарядные юбочки* (Е. Керсновская).

Яркие краски растительности краткосрочны, но они олицетворяют жизнь. Умирание природы вызывает у человека спектр негативных эмоций, связанных с тоской и безнадежностью:

Зелень в тундре *яркая*, сочная, трава растет быстро. <...> Есть тут и цветы, преимущественно *желтые, оранжевые* и без запаха. <...> Даже маки, и те *желтые*. Самые *яркие* цветы – это *оранжевые жарки*, махровые люти-

ки и *фиолетовый борец*, весьма ядовитый. Но вегетационный период до того короток, все так быстро, прямо на глазах, цветет и плодоносит, что кажется, будто природа говорит: «Жизнь коротка. Между рождением и смертью – одно мгновение!» Контакт с такой природой нагоняет тоску и вместо освежающей радости порождает лишь неудовлетворенность и грусть (Е. Керсновская).

Визуальные признаки растений могут, в свою очередь, проецироваться на другие объекты действительности, к примеру, на основании общности цвета.

- Ягодам может уподобляться кровь:

Я подставила тазик, ввела в вену большую иглу. *Медленными крупными каплями, похожими на ягоды красной смородины*, кровь стала капать в таз и тонкими струйками растекаться по его белому дну (Е. Гинзбург).

- Лиственница оказывается похожей на освежеванную тушу:

И вдруг за поворотом *вижу я дохлую лошадь!* Освежеванную. *Кроваво-красную. Значит – свежую!* Ура! Я рванула рысью. Откуда и сила взялась! Мясо – пусть дохлая конина – это спасение! Последний рывок. Последнее усилие. И я подбегаю. Увы! Меня ждало горькое разочарование. То, что я приняла за освежеванную тушу лошади, *оказалось ошкуранным лиственничным сутунком* <...> у лиственницы такого темно-красного цвета, что она, особенно на фоне снега, вполне может сойти за освежеванную тушу (Е. Керсновская).

Пример с образом лиственницы у Е. Керсновской можно считать эмблематичным: именно лиственница связана с негативными ассоциациями. При побеге из места своего первого тюремного заключения, посреди холодной сибирской природы, героиня, голодная и истощенная, принимает лиственницу за останки мертвой лошади, которая могла бы стать источником пищи. Когда героиня понимает, что это всего лишь дерево, у нее начинается истерика. Можно провести своеобразную параллель с произведениями В. Шаламова, где лиственница – свидетель, который может хранить память, символ жизни, в книге же Е. Керсновской лиственница – обманная надежда на жизнь.

- Зеленые ростки могут быть метафорическим образом человечности, душевности:

И Александра Михайловна, методистка, от которой я за два года слышала столько узорчатых слов о задачах дошкольного воспитания, тащит мой пыльный тюремный узел, предлагает денег взаймы, сует мне в карман ка-

кие-то свертки из своей хозяйственной сумки. Вот, оказывается, какие настоящие *зеленые ростки у нее в душе*, глубоко внутри, под слоем бумажных гофрированных мертвых цветов (Е. Гинзбург).

Таким образом, как показывает анализ материала, наиболее частотной визуальной характеристикой растительного мира становится цветовая. Это то, что противопоставлено серому, тюремному пространству, поэтому разнообразен арсенал лексических средств, с помощью которых рисуется зрительно воспринимаемая фитокартина. Помимо прилагательных с цветовой семантикой встречаются сравнительно-метафорические описания, например:

Осторожное медлительное солнце плывет по сопкам, а на них *краснеет коралловыми рифами зрелая брусника* (Е. Гинзбург);

или литературные реминисценции:

Тут *«златистогрезный черный виноград»*... Да, отлично помню, именно этими северянскими «изысками» я обозначила свою находку. Теперь мы шли утром в лес не с отчаянием, а с надеждой. Мы уже установили, что растет *брусника* больше вокруг пеньков, на кочках (Е. Гинзбург).

4. Фитообразы, основанные на аудиальной перцепции

Звуковые образы являются сложными комплексами различных характеристик. Однако в текстах женских эго-документов они, как правило, не связаны с фитонимической картиной. К примеру, у Е. Гинзбург большую роль играют звуки предметного мира (ключей, дверных замков, стекла, железа, мебели в тюрьме), часто служащие знаками перемен (в пространстве, судьбе), сигналами, предвещающими физическое насилие и под. (см. подробнее: [Басалаева, Носенко, 2020]).

Поэтому нечастые примеры аудиальных фитообразов актуализируют те же смыслы, что и другие сенсорные характеристики: звуки, издаваемые растениями, как правило, связаны с нетюремным пространством. Ср.:

На больших темно-зеленых *деревьях* под окнами *шелестят* листья. Этот *звук* – таинственный и прохладный – потрясает меня. Я, кажется, раньше никогда его не слышала. Это трогательно, когда они шелестят (Е. Гинзбург).

В данном примере наблюдается сложный синестезийный образ, основанный на визуальном (*темно-зеленых*), аудиальном (*шелестят, звук, не слы-*

шала) и тактильном (*прохладный*) восприятии, который связан со свободой.

В целом звуки природы осознаются как чистые, гармоничные, противопоставленные искусственным, созданным человеком, а поэтому немелодичным:

Я часто останавливалась, чтобы послушать эти чистые, ничем *не ополщенные звуки природы* (Е. Керсновская);

Тишина, но тишина степная: кругом степь поет, звенит... Но все это: и песнь жаворонка, и скрип коростеля, стрекотанье кузнечиков и *шелест трав* не имеет никакого отношения к человеку и ко всем тем немелодичным звукам – грохоту, скрежету, реву машин, – которыми знаменуется присутствие его (Е. Керсновская);

Не может быть, чтоб в этот час
Шумел зеленый лес и шелестело поле!
Чтобы на Волге в радостном приволье
Переливался голубой атлас...
(О. Адамова-Слезберг).

Аудиальные фитообразы построены на гармоничном сочетании звучания и тишины, они способны изменить эмоциональное состояние человека, служить напоминанием о другой, нелагерной, жизни.

5. Фитообразы, основанные на тактильной перцепции

Ситуаций, связанных с тактильным восприятием растений, в женских эго-документах представлено немного. В основном встречаемся с явлением синестезии, когда сливаются в единый образ визуальные и тактильные характеристики. Последние базируются на метафорах, мотивированных наименованиями различных тканей, изделий из ткани, свойств ткани (*бархат, замша, ковер, махровый, ворс* и под.), или эксплицируются прилагательными с тактильной семантикой (*мягкие, нежные* и пр.):

Правда, мы топтали ногами несметное богатство – лиловеющие *нежным бархатом* заросли таежной ягоды – *жимолости* (Е. Гинзбург);

Помню островок, поросший *серовато-розовой замшевой вербой* (Е. Гинзбург);

Тропинки, по которым мы бродим с ребятами, устланы *толстым слоем хвои*. Ноги скользят и пружинят, как *на ворсе толстого ковра* (Е. Гинзбург);

Но дивная *травка, густая, как войлок*, состоящая из всех видов клевера, столь любимого овцами, остается неиспользованной; ветка тополя, *серебристого тополя* с еще молодыми, нарядными *листочками*: с одной стороны точно покрытыми лаком, с другой – *мягкой, нежной, белой замшей* (Е. Керсновская).

Тем не менее тактильное взаимодействие с растительным миром оказывается чрезвычайно важным, оно дает силы и защиту:

Природа. Мы ходили внутри огороженной проволокой зоны и смотрели на небо, смотрели на дальние сопки, подходили к чахлым *деревьям* и *гладили* их руками (О. Адамова-Слезберг);

...я нашла в корнях гигантской *пихты* *мягкую постель* из прошлогодней *хвои* (Е. Керсновская).

Итак, на основании данного анализа можно сделать следующие выводы.

Перцептивные фитообразы являются важным элементом в женской лагерной прозе, в авторской картине мира Е. Гинзбург, Е. Керсновской и О. Адамовой-Слезберг. Доминирующими сенсорными признаками фитонимов являются обонятельные, вкусовые и визуальные. Можно отметить, что текстовая роль перцептивных фитообразов в разных произведениях женской лагерной прозы в целом отличается единообразием. Так, фитообразы, связанные с запахом, вкусом и зрением, вызывают у всех авторов приятные мысли, воспоминания, с их помощью актуализируются такие признаки, как свобода, связь с прошлой жизнью, спасение от голода и смерти, последние «счастливые» моменты перед страданиями в лагере. Языковыми средствами выражения перцептивных фитообразов становится разнодусная лексика чувственного восприятия (например, *запах, аромат, кислый, сладкий, серо-дымчатый, яркий, тишина, шелестеть, махровый, бархат* и пр.), а также развернутые метафоры (часто антропоморфные), нередко основанные на синкретичности восприятия (запах – зрение, запах – вкус, зрение – осязание, зрение – звук и др.).

Выявленные особенности позволяют говорить о некотором сходстве и отличии женского перцептивного восприятия растительного мира. Если в женской прозе актуализированы все каналы перцепции, то в мужской в меньшей степени представлены вкусовые и тактильные фитообразы. К примеру, встречаются единичные аудиальные характеристики тополя в произведениях В. Шаламова (ср.: «Ветер и старость сорвали кору со стволов двух сросшихся *тополей* – босой гигант в коротких штанах был

и впрямь похож на шотландского героя. Робин Гуд шумел и размахивал руками»). При этом и в мужской, и в женской лагерной прозе доминируют визуальные и одорические перцептивные признаки растительного мира. Например, достаточно разнообразной предстает цветовая фитокартина в «Колымских рассказах» В. Шаламова, где белый цвет маркирует не только красоту заснеженных просторов, но и зиму, смерть, безнадежность, а зеленый цвет, напротив, ассоциируется с жизнью и надеждой в противоположность серебристым и серым оттенкам Колымы. Фитообразы (например, листья и ягоды рябины) нередко теряют свою яркость, что может символизировать изменение человеческого восприятия жизни, так же лишенной цвета и вкуса.

Одорической особенностью произведений женской лагерной прозы можно назвать, с одной стороны, богатый спектр обобщенных растительных запахов (трав, цветов, деревьев), с другой – бедность запахов северной природы. В мужской же прозе наблюдаются некоторые отличия. Например, в текстах В. Шаламова запахи имеют не все, а только некоторые растения. Лишенными обонятельных характеристик оказываются ландыш, можжевельник, самым же важным – запах горного шиповника и лиственницы. Так, В. Шаламов выделяет особенный аромат этих растений, которые несут в себе как физические характеристики (*скипидарный запах*), так и символическое значение, связанное с памятью о жизни в лагере, желанием, чтобы живые помнили о них, и символизацией понятий победы, сопротивления и жизни.

Результаты проведенного исследования открывают перспективы для дальнейшего сопоставления систем восприятия фитообразов, представленных в произведениях иных авторов лагерной прозы.

Список литературы

Баггерман А., Деккер Р. Жак Прессер и традиция еврейской автобиографии в Нидерландах // Неприкосновенный запас. 2019. № 2 (124). С. 238–256.

Басалаева Е. Г., Носенко Н. В. Перцептивные образы в лагерной прозе и ее переводе на английский язык // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 293–307. DOI 10.17223/18137083/73/20

Варларо Ф. Фитометафора в лексической структуре текстов лагерной прозы: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2023. 234 с.

Дьяченко Ю. А. Фитонимическая лексика в художественной прозе Е. И. Носова: Дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2010. 197 с.

Кириллина Н. В. «И я всюду слышу звуки...»: функции перцептивной лексики слухового восприятия в языке поэзии А. А. Ахматовой // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. 2016. № 4. С. 1–9. URL: <https://vestnik-mgou.ru/en/Articles/Doc/772> (дата обращения 08.04.2024).

Колесов И. Ю. О языковом моделировании знания о зрительном восприятии // Вестник Кем. гос. ун-та. 2013. № 2. С. 81–86.

Коновалова Н. И. Фитонимика говоров среднего Урала в системно-функциональном аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 20 с.

Корычанкова С., Крюкова Л. Б., Хизниченко А. В. Поэтическая картина мира сквозь призму категории перцептивности. Брно: Масариков университет, 2016. 235 с.

Кочетков П. Н. Лексика восприятия в русской поэзии конца XIX – начала XX века (на материале поэзии В. Я. Брюсова): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. 16 с.

Райзман М. И. Задержанная литература. Магадан: Охотник, 2009. 108 с.

Сафронов А. В. Жанровое своеобразие русской художественной документалистики (очерк, мемуары, «лагерная» проза). Рязань: Рязан. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2012. 108 с.

Старикова Л. С. «Лагерная проза» в контексте русской литературы XX века: понятие, границы, специфика // Вестник Кем. гос. ун-та. 2015. Т. 4, № 2 (62). С. 169–174.

Шаламов В. Т. Собр. соч.: В 6 т. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2005. Т. 5: Эссе и заметки; Записные книжки 1954–1979. 384 с.

Dekker R. Egodocuments in the Netherlands from the Sixteenth to the Nineteenth century // *Envisioning Self and Status. Self-representation in the Low Countries 1400–1700.* Hull, 1999. P. 255–285.

Dekker R. Jacques Presser's heritage. Egodocuments in the study of history // *Memoria y Civilización. Anuario de Historia.* 2002. № 5. P. 13–37.

Rutz A. Einleitung // *Zeitenblicke.* 2002. Bd. 1, № 2. URL: <http://www.zeitenblicke.de/2002/02/rutz/index.html> (дата обращения 10.04.2024).

Список источников

Адамова-Слиозберг О. Л. Путь. М.: Возвращение, 2015. 272 с.

Гинзбург Е. С. Крутой маршрут. Хроника времён культа личности. М.: Сов. писатель, 1990. 608 с.

Керсновская Е. А. Сколько стоит человек. М.: КоЛибри, 2022. 832 с.

References

Baggerman A., Dekker R. Zhak Presser i traditsiya evreiskoi avtobiografii v Niderlandakh [Jacques Presser and the tradition of Jewish autobiography in the Netherlands]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2019, no. 2 (124), pp. 238–256. (in Russ.)

Basalaeva E. G., Nosenko N. V. Pertseptivnye obrazy v lagernoy proze i ee perevode na angliyskiy yazyk [Perceptual images in camp prose and its English translation]. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, pp. 293–307. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/20

Dyachenko Yu. A. Fitonimicheskaya leksika v khudozhestvennoi proze E. I. Nosova [Phytonymic lexicon in the fiction prose of E. I. Nosov]. Cand. Philol. Sci. Diss. Kursk, 2010, 197 p. (in Russ.)

Dekker R. Egodocuments in the Netherlands from the Sixteenth to the Nineteenth century. In: *Envisioning Self and Status. Self-representation in the Low Countries 1400–1700*. Hull, 1999, pp. 255–285.

Dekker R. Jacques Presser's heritage. Egodocuments in the study of history. *Memoria y Civilización. Anuario de Historia*, 2002, no. 5, pp. 13–37.

Kirillina N. V. "I ya vsyudu slyshu zvuki...": funktsii pertseptivnoi leksiki slukhovogo vospriyatiya v yazyke poezii A. A. Akhmatovoi ["And I hear sounds everywhere": functions of perceptive lexis of aural sensing in the language of A. Akhmatova's poetry]. *Bulletin of Moscow Region State University*, 2016, no. 4, pp. 1–9. (in Russ.) URL: <https://evestnik-mgou.ru/en/Articles/Doc/772> (accessed 08.04.2024).

Kochetkov P. N. Leksika vospriyatiya v russkoi poezii kontsa XIX – nachala XX veka (na materiale poezii V. Ya. Bryusova) [The lexicon of perception in Russian poetry of the late 19th – early 20th century (on the material of V. Ya. Brusov's poetry)]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 1992, 16 p. (in Russ.)

Kolesov I. Yu. O yazykovom modelirovanii znaniya o zritel'nom vospriyatii [On lingual construal of the knowledge of vision]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2013, no. 2, pp. 81–86. (in Russ.)

Konovalova N. I. Fitonimika govorov srednego Urala v sistemno-funktsional'nom aspekte [Phytonymy of Middle Ural colloquialisms in the systemic-functional aspect]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 1993, 20 p. (in Russ.)

Korychankova S., Kryukova L. B., Khiznichenko A. V. Poeticheskaya kartina mira skvoz' prizmu kategorii perceptivnosti [Poetic picture of the world through the prism of perceptual category]. Brno, 2016, 235 p. (in Russ.)

Raizman M. I. Zaderzhannaya literatura [Detained Literature]. Magadan, Okhotnik, 2009, 108 p. (in Russ.)

Rutz A. Einleitung. *Zeitenblicke*, 2002, Bd. 1, № 2. URL: <http://www.zeitenblicke.de/2002/02/rutz/index.html> (accessed 10.04.2024).

Safronov A. V. Zhanrovoe svoeobrazie russkoi khudozhestvennoi dokumentalistiki (oчерk, memuary, "lagernaya" proza) [The genre diversity of Russian artistic documentary literature (sketch, memoirs, "camp" prose)]. Ryazan, S. A. Esenin Ryazan State Uni. Press, 2012, 108 p. (in Russ.)

Shalamov V. T. Collected Works. In 6 vols. Moscow, TERRA-Knizhnyi klub Publ., 2015, vol. 5, 384 p. (in Russ.)

Starikova L. S. "Lagernaya proza" v kontekste russkoi literatury XX veka: ponyatie, granitsy, spetsifika [The "camp prose" in the context of the Russian literature of the 20th century: concept, framework, specificity]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2015, vol. 4, no. 2 (62), pp. 169–174. (in Russ.)

Varlaro F. Fitometafora v leksicheskoi strukture tekstov lagernoi prozy [Phytometaphor in the lexical structure of camp prose texts]. Cand. Philol. Sci. Diss. Novosibirsk, 2023, 234 p. (in Russ.)

List of Sources

Adamova-Sliozberg O. L. Put' [My Journey]. Moscow, Vozvrashchenie Publ., 2015, 272 p. (in Russ.)

Ginzburg E. S. Krutoy marshrut [Journey into the Whirlwind]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1990, 608 p. (in Russ.)

Kersnovskaya E. A. Skol'ko stoit chelovek [How Much Does a Person Cost]. Moscow, KoLibri Publ., 2022, 832 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Елена Геннадьевна Басалаева, кандидат филологических наук, доцент
Франческо Варларо, ассистент кафедры теории языка и межкультурной
коммуникации

Information about the Authors

Elena G. Basalaeva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Francesco Varlaro, Assistant Professor at the Department of Theory of Language and Intercultural Communication

*Статья поступила в редакцию 01.05.2024;
одобрена после рецензирования 10.06.2024; принята к публикации 10.06.2024
The article was submitted on 01.05.2024;
approved after reviewing on 10.06.2024; accepted for publication on 10.06.2024*